

А.Н. Хохлов

ИВ РАН

**Россияне-путешественники в городах Китая
с 90-х годов XIX в. до Синьхайской революции
(по архивным данным и материалам прессы)**

После поездки в 1891 г. наследника русского престола – великого князя Николая Александровича (будущего Николая II) с миссией доброй воли в страны Востока (Египет, Индию, Сиам, Китай и Японию)¹ заметно возрос интерес россиян к дальневосточному региону, стимулируемый строительством Транссибирской железной дороги, а позднее в связи с началом прокладки в 1898 г. новой железнодорожной магистрали (КВЖД) через Маньчжурию из Забайкалья в направлении Владивостока. Однако еще до завершения строительства КВЖД, открывавшей свободный доступ в Китай и Японию, наиболее энергичные россияне пытались покрыть огромное расстояние пешком из европейской части России в страны Дальнего Востока. Среди таких энтузиастов оказался К.К. Ренгартен, совершивший феноменальное путешествие из Риги через Кавказ и Центральную Азию в Монголию и Китай. Как видно из перевода на русский язык немецкого свидетельства о рождении его отца Константина Ренгартена, он родом из прибалтийских немцев, родился 11 марта (а крещен 20 апреля) 1826 г. в г. Риге в семье отставного штаб-ротмистра Петра Ренгартена, женатого на Наталии, урожденной фон Гюне². Со своим другом К.К. Ренгартен вышел из Риги 15 августа 1894 г. и вернулся домой 20 сентября 1898 г. Находясь в пути 4 года и 45 дней, К. Ренгартен кроме Монголии и Китая посетил США и страны Западной Европы. Его письма на немецком языке, отправленные из разных пройденных им пунктов, в том числе из Монголии и Китая (29 сентября 1894 г. из Урги и 10 ноября 1894 г. из Калгана [Чжанцзякоу]), были частично переведены на польский язык Хенриком Верница и изданы в Варшаве в 1898 г. (с предисловием Юлиана Охоровича)³.

Для исследователей истории русско-китайской кяхтинской торговли особенно интересны наблюдения К. Ренгартена, сделанные им во время пребывания в районе Кяхты-Маймайчэна. Вот как путешественник описывает торговую слободу Кяхту и соседний с ним город Троицкосавск (впоследствии образовавшие нынешний город Кяхта): «Оба городка очень милые, в них живут несколько русских миллионеров. Здесь нет бедных людей.

Всюду, куда меня приглашали, шампанское лилось рекою. Везде виден комфорт, которого нигде не встречал...

Некоторые из [молодых] купцов получили образование в университетах России, а одна из [бывших] учениц здешней прогимназии в отсутствие своего мужа редактирует выходящую здесь газету («Кяхтинский листок». – А.Х.)».

Чтобы детально представить маршрут путешественника-пешехода К. Ренгартена, достаточно обратиться к тексту нижеследующей корреспонденции, помещенной 26 марта (7 апреля) 1897 г. в столичной газете «Новое время» за подписью «Дима»: «Немалый интерес возбудил к себе бывший здесь в конце ноября русский путешественник вокруг света пешком К.К. фон-Ренгартен... [он] пришел в Пекин 21-го ноября, пройдя пешком через всю Монголию и степь Гоби в самое неблагоприятное и опасное для путешествия время. Это – симпатичный человек, с открытым характером, очень скромный... привлечший внимание всей русской [столичной] колонии... Вышел он из Риги 15 августа 1894 г. и шел на Витебск, Смоленск, Курск, Харьков, Ростов-на-Дону, Новороссийск, Сухум, Зугдиди, Абастуман, Тифлис, Эриван, Эчмиадзин – до границы Персии. Затем по Персии вышел в Асхабад и шел через Мерв–Чарджуй–Бухару в Каты-Курган, Самарканд, Ташкент, Барнаул, Томск, Красноярск, Иркутск, Кяхту, Ургу, монгольскую степь, Калган, Пекин. Из Пекина г-н Ренгартен вышел 29 ноября в Тяньцзинь – Чифу; из Чифу он через Японию и Америку вернется в Европу и предполагает еще пробыть в дороге не менее 2-х лет. Г-н Ренгартен... 32 лет от роду, человек семейный. Возвратясь в Ригу, он предполагает издать книгу о своем путешествии вокруг света. От Риги и до Пекина пройдено им 12825 верст. Путь через Монголию и Гоби был очень тяжел: 36 дней он провел в больших лишениях, оставшись 14 дней без хлеба, потеряв караванный путь и с большим трудом напав на него снова»⁴.

Существенным дополнением к этой корреспонденции может служить небольшая заметка (без указания ее автора), опубликованная в том же номере упомянутой выше газеты, в подготовке которой, судя по ее тексту, также участвовал служащий Пекинского отделения Русско-Китайского банка Д.М. Позднеев (1865–1937), впоследствии известный китаист и японист, подписывавший в 90-х годах XIX в. свои первые газетные статьи псевдонимом «Дима». В этой заметке говорилось: «В Пекине г-н Ренгартен прочел весьма интересную лекцию о своем путешествии по Персии. Личностью г. Ренгартена заинтересовался сам Ли Хун-чжан⁵ и пожелал видеть “решительного русского человека”, прошедшего в одиночку пешком степь Гоби. Ли Хун-чжан пригласил г. Ренгартена быть у него в дорожном костюме, интересовался его приключениями, но особенно подробно расспрашивал о Бухаре, о ее народе, о правлении страной и правителях Бухары, обычаях этой страны. На память он собственноручно написал в дневной походный журнал г-на Ренгартена свой автограф. Провожая путешественника за городские ворота Пекина, мы собрали около себя тотчас же толпу китайцев».

Другим таким же энтузиастом-путешественником был Ф.М. Миронов, о котором газета «Новое время» 17/29 октября 1897 г. сообщала: «Недавно, по словам “Астраханского листка”, прибыл в Астрахань, направляясь

в место своей родины – Саратовскую губернию, путешественник-пешеход Ф.М. Мионов. Прибыв из Владивостока в Петербург, г-н Мионов отправился затем в наши среднеазиатские владения и был на Памире. Г-ну Мионову в настоящее время 49 лет, и он намерен, вернувшись на родину, издать свои мемуары».

Дополнительную информацию об этом путешественнике, посетившем Порт-Артур, сообщает выходящая в этом городе газета «Новый край», которая в апреле 1902 г. сообщала: «2-го апреля в редакцию “Нового края” явился известный путешественник-пешеход Федор Михайлович Мионов... ему 50 с лишним лет... Первый раз в 1893 г. он из Владивостока отправился в Петербург, [шел] через Сибирь, Туркестан и Кавказ. Затем его потянуло в Индию. После этого он пошел в Маньчжурию и 14 апреля 1899 г. достиг П.-Артура... [он] несколько владеет английским, сартским и китайским языками».

Интересное путешествие пешком совершил и Н.В. Степнов, студент Московской духовной академии. Это видно из нижеследующей информации, помещенной в газете «Далекая окраина» в номере 1366 от 8 декабря 1911 г.: «Вчера во Владивосток прибыл русский кругосветный путешественник Николай Владимирович Степнов, студент Московской духовной академии... Свое путешествие он начал из Москвы в 1910 г. ... Через Петербург и Варшаву [он] прошел в Европу, оттуда в Африку, Персию, Индию, Цейлон, Сиам и пр[очие страны]. Всего намечено им пройти 45 тыс. верст... Дальнейший его маршрут – Токио–Сан-Франциско... В настоящее время он остановился в общежитии студентов Восточного Института, где думает пробыть до праздника Рождества Христова»⁶.

Среди россиян-путешественников, побывавших в Китае до Синьхайской революции 1911–1912 гг. следует упомянуть поляка Леонарда Бертольда, посетившего с 1906 по 1910 г. (до поездки в Китай в 1910–1911 гг.) до 50 больших и малых городов Российской империи. О его новом маршруте свидетельствует неопубликованный дневник путешественника, найденный нами в одном из московских архивов. В предисловии, написанном в Харбине 17 ноября 1910 г., автор сообщил о себе следующие сведения:

«Я родился 8 ноября 1888 г. в г. Вильно. Родители мои в то время проживали в небольшом деревянном домике, далеко от города. Отец мой, мало-мальски образованный [человек], был ремесленником, [хотя] происходил из потомственных дворян... Он [сначала] меня отдал в городское училище, но вскоре меня оттуда взяли вследствие открытия коммерческого училища с правами среднего учебного заведения. [Когда] я выдержал экзамен в первый класс, мне было 11 лет от роду. С ранних лет у меня появилась страсть к музыке, потом появилась страсть к путешествиям... Я был ужасно поражен некоторыми путешествиями с приключениями, как не описаны, например, у Жюль Верна, Стэнли и др. Когда мне предлагали прочесть о каком-либо путешествии, я не выпускал книгу из рук день и ночь... На 16-м году я вполне понимал, что значит отлучиться из дома, бросить свой родной уголок, своих товарищей. Мои родители тогда проживали по Большой улице в доме № 19, и этот дом мне было очень жаль оставлять. Но что же было делать: *что человек задумал, то и должен исполнить*.

Средств у меня совершенно не было, даже [тогда], когда удалось совершить первую поездку в Крым. Мне пришлось отказывать себе в еде, ибо за отсутствием денег приходилось ночевать в ночлежках, уплачивая по 3 коп. в день. В тот момент, когда я оставил российскую территорию, мне было приятно вспомнить многие места родного края...

Я предпочел заполнить свой дневник путешествием, начинающимся с города Харбина, а не с родного города, поэтому только составил [перечень] – алфавит всех тех [российских] городов, в которых побывал» (Здесь и далее курсив мой. – А.Х.)⁷.

С учетом ограниченного объема данной публикации ниже приводим текст дневника путешественника из Польши со значительными сокращениями, в котором, к тому же отсутствуют вырванные из него стр. 67–104, а также записи, касающиеся поездки автора в Гонконг и Гуанчжоу в июне 1911 г.:

Среда, 17 ноября [19]10 г., г. Харбин.

Несмотря на то, что я испутешествовал чуть ли не всю Россию, у меня явилось желание побывать в Китае, Японии и других странах. Так что *по прибытии в Харбин я*, немного отдохнув, *ознакомился с этим [молодым] небольшим уютным городом*. Осмотрев достопримечательности его, я в среду, 17 ноября [19]10 г. в час дня направился к «японской» границе, находящейся от Харбина [в] 240 верстах... В дороге пришлось познакомиться с неким иудеем, который со мною всю дорогу беседовал и отчасти был доволен моим присутствием... В 8 часов вечера мы прибыли на станцию Куанчэнцзы. Там нас встретил содержатель «Варшавской» гостиницы в Чанчуне, некий еврей, оказавшийся здесь из Варшавы, который, приняв меня, любезно пригласил поужинать... Предложив суп с курицей, а затем чай с пирожками, он начал [дотошливо] меня расспрашивать, заинтересовавшись моей личностью. Он недурно объяснялся по-польски [и] мне было приятно припомнить свой родной язык. Потом оказалось, что у него в гостинице есть тоже пассажирка-полька, с которой он меня познакомил. Она оказалась из того же города, из той же местности, что и я. Довольно симпатичная, высокого роста, шатенка с милыми чертами лица она не выходила у меня из памяти целый следующий день... Впоследствии она призналась мне, что рада случайной встрече со своим земляком. Сидя за столом втроём, мы все [долго] беседовали до тех пор, пока не появилось желание идти на отдых. Я первым дал намёк на то, что пора пойти отдохнуть. Хозяин гостиницы, не давая мне покоя, [настойчиво] просил, чтобы я [подробнее] рассказал, где есть милые уголки в Польше. Он [сам] начал вспоминать прошлые годы и, наконец, хорошо уже подвыпивши, в заключение [беседы] затянул марсельезу. Похлопав меня рукой по плечу и пожелав мне приятных сновидений, он ушел спать.

Комната, в которой мне пришлось ночевать, [была] довольно чистая. В ней стояли столик, покрытый белой простыней, и стул, причем она была светлая при двух окнах, освещение – электрическое... Сев за столик, я начал описывать в своём дневнике начало своего путешествия. Но ввиду появившегося у меня [сильного] желания уйти на отдых, я бросил перо, закрыл свой дневник и погрузился в [глубокий] сон.

Четверг, 18 ноября [19]10 г., г. Чанчунь.

Погода на дворе стояла недурная. Хотя морозило, солнце целый день

своими лучами оживляло природу. Я встал в 6,5 часа утра вследствие горевшей над моей кроватью лампочкой... Все [постояльцы гостиницы] еще спали, лишь из комнаты моей землячки м-ль Сташкевич эхом доно-силась её кашель. Я оделся, облился принесенной бойкой [мальчиком] хо-лодной водой, освежил свое лицо и сел за свой дневник.

Спустя часа полтора в дверях появился хозяин гостиницы г-н Шварц в чистеньком костюме, при белом воротнике и золотых часах. Видно, что этому человеку [живется] здесь хорошо. Пожелав мне доброго утра, он пригласил на чай. Ввиду того, что я отчасти был голоден, [я] немедленно последовал за ним в столовую. [Последняя] – довольно обширная с хоро-шей обстановкой – представляла собою какую-то залу, широкую и длинную. Посреди стоял стол, который [был] обременен тяжестью разных напитков. Нас было четверо: я, хозяин, его жена и моя землячка. Было половина деся-того [утра], и я спешил к поезду, вследствие чего не мог долго [оставаться] в приятном обществе. Выпив один стакан чаю и закусив свежей икрой, я чувствовал себя достаточно сытым. Поблагодарив и попрощавшись со всеми присутствовавшими, я с хозяином пошел на вокзал, где [к нашему приходу] уже стоял поезд в ожидании пассажиров. Здесь [мы] купили би-лет третьего класса, уплатив три рубля с копейками, но уже не русскими деньгами пришлось расплачиваться, а японскими. Билет был куплен [до] Мукдена г-ном Шварцем, ибо я не осведомлен с ихними правилами. Ука-зав мне вагон третьего класса, [хозяин гостиницы] попрощался со мной и ушел. Поезд очень скоро [тронулся в путь] – ровно в 10,5 час. утра.

Японская железная дорога [находится] далеко от русской. Скорость поезда равняется нашему курьерскому. Полотно дороги немного уже. Вагоны – ужасно неудобны: человек чувствует усталость [уже] после недолгой поездки. Возьмем [к примеру] японский вагон третьего класса. Во-первых, он – длинный по обеим сторонам, внутри сидят на полу ки-тайцы, а посередине идет узкий коридор для прохожих. Затем как в одном, так и другом конце [вагона] сидят японские солдаты, сопровождающие поезд. У них есть определенное место и [они] сидят на маленькой скамейке. Что касается багажа, то для последнего по обеим сторонам внутри ва-гона под окнами есть длинные полки...

Второй класс немного удобнее, но опять-таки для японцев. Для каж-дого отдельно есть скамеечка длиной не больше полтора аршина, и от-дохнуть или [при]лечь ни в коем случае невозможно ввиду неумения по-меститься на них. И когда вагон наполняется пассажирами, т.е. перепол-няется, тогда приходится всю ночь сидеть вдвоем на упомянутых скамей-ках. *Относительно освещения укажем: по обеим сторонам [вагона] ви-сят керосиновые лампочки,* так что можно свободно читать. Я не упомя-нул про освещение третьего класса. Там посреди [вагона] висят три боль-шие лампы, немного темнее [ламп в вагоне] второго класса.

В первом классе [ехать] гораздо удобнее – для каждого пассажира скамейки немного длиннее и обиты зеленым плюшем, [поэтому] сидеть довольно мягко и можно немного отдохнуть.

Чистота [в вагонах] – замечательная. Служащие поезда – вежли-вые и не так часто проверяют билеты, как у нас, – чуть не после каж-дой большой станции. [Здесь] лишь один-два раза проверяют. Когда

[же] обнаружится китаец или японец, даже европеец без билета, то с него взимают втрое больше [стоимости билета], а за неимением денег без всякой церемонии обольют холодной водой. Эта интересная картинка часто случается с китайцами. Обольют, как собаченку, и потом отпустят.

Мне почти что случайно пришлось встретиться с одним европейцем, ехавшим во втором классе в Гирин. Познакомились [и] завели разговор. Он был очень доволен моим присутствием. На [одной] станции... [он] пригласил меня пообедать ввиду долгой стоянки [поезда]. Я поблагодарил его за предложение и ушел с ним в буфет [в вагон] первого класса. Тут целая история: японцы дают кушать. Допустим, [если это обед], то обед этот состоит из нескольких малюсеньких – только лишь попробовать – блюд и все [блюда] подают вместе. Хорошо еще, что дали вилку и нож, а то у них кушают палочками. Хлеба у них не признают, а дают лишь вдоволь риса. За всё удовольствие пришлось уплатить моему компаньону... за три обеда рубль 50 коп. (С нами в компании еще был один китаец, ехавший с этим европейцем в Гирин.) Поезд простоял 15 мин. Мы пообедали в 10 мин., спустя пять минут поезд тронулся. Всю дорогу мы... беседовали. У меня собственно был билет третьего класса, но благодаря европейцу я немного обжился во втором классе. Прибыв в Гирин, он со мной попрощался и ушел. И так я прибыл в Мукден в 8 час. вечера.

Четверг, 18 ноября 1910 г., г. Мукден.

Наконец-то пришлось ступить ногой на эту почву, которая [сравнительно] недавно была пропитана людской кровью...

Было уже 9 час. вечера, когда я сел в конный трамвай и поехал по направлению города. Но не доехав до последнего, слез и пошел искать гостиницу. Нигде [на вывесках] не написано по-русски, а только по-китайски и английски. [В одном месте] смотрю написано по-английски... т.е. [здесь] японская гостиница. Я зашел и не успел закрыть [за собой] дверь, как один [служащий] повелел [мне] снять ботинки, а другой лишь спросил по-английски, чего [мне] надо. Я, собственно слабо владея английским, начал объясняться по-русски, и на мое счастье из числа нескольких [находившихся] там китайцев нашелся один, говорящий по-русски. Он мне сказал, что гостиница стоит один руб. [в сутки]. Я, согласившись [с ценой], начал снимать ботинки. Снимать [их] потому надо, что они [японцы] соблюдают большую чистоту. Японка повела меня на второй этаж и открыла мне номер, но велела снять около дверей туфли, в которых я шел [наверх]. Войдя в номер, я приказал подать стакан кофе и затем начал рассматривать обстановку в своей комнате. Во-первых, [в комнате] стояли три большие кровати, один большой шкаф для одежды, затем комод, стол и три мягких стула.

Мне пришлось спать на одной из кроватей. Холод стоял невыносимый, [поэтому] прислуга-китаец принес чугунный горшок с углями, поставив [его] возле моих ног. [Чтобы немного согреться], я наклонился к горшку и был в ожидании кофе, дабы скорее идти спать. Китаец принес мне кофе и кусочек белой булки с маслом. Я выпил [кофе] и стал звонить, чтобы скорее принесли подушку и одеяло. Японка отворила мою дверь и начала приносить откуда-то одеяла. Оказывается, у них в виду холода всегда так спят. Накрыв себя тремя одеялами, я заснул сладким сном.

Пятница, 19 ноября 1910 г., г. Мукден.

Погода была хороша. Солнечные лучи оживляли земную [поверхность]. Я проснулся, кажется, часов в шесть, позвонил прислуге, дабы принесли мне воды помыться и... приготовили кофе. Минут через 15 японка принесла мне горячих углей в мой [чугунный] горшок и через несколько минут я почувствовал в комнате теплоту. Облив лицо холодной водой, я принялся за принесенный бойкой кофе. Выпив его наскоро, я почистил свой костюм, оделся и ушел осматривать Мукден.

Город от моей гостиницы находился в двух с половиной верстах, [поэтому] я сел на рикшу, стоявшего тут же [у гостиницы] и поехал... *Город ужасно разбросан, [собственно] не так сам город, как его окрестности. Въехал я, наконец, в крепостные ворота, откуда начинался уже город. Да, действительно, этот город – огромное великолепие.* Еще не доезжая собственно города, можно увидеть над [его] воротами большущий балдахин, под которым ходит караульный солдат. От этих ворот идут довольно высокие, крепкие стены, так что чуть ли не весь город [заключен] в стенах крепости. Я проехал трое таких ворот, но, когда [мне это] надоело, повернул своего рикшу обратно. *Китайцев – бесчисленное множество. Улицы – узкие, фанза [стоит] около [другой] фанзы. Торгующих фанз в каждой переулке [более чем] вдоволь. Шум, крик, стук колес от [движения] рикши. Лишь изредка можно встретить европейца...* Самая главная улица вечно переполнена прохожими. Когда едет куда-нибудь китаец-извозчик, он легко может охрипнуть от [своего] крика, чтобы дали [ему] дорогу.

Итак, жизнь в этом городе кипит. [Очень] сожалею, что не пришлось мне [внимательно] осмотреть его достопримечательности. Конечно, *этот город принадлежит к разряду старинных. Европейских строений здесь очень мало, а [если] встречаются, то в этих домах живут англичане и консулы. Имея лишь несколько лишних тысяч, можно открыть какую-нибудь фабрику...* Конкуренция – невозможная. До того этот народ стал понятливым, что у него вы найдете то же самое, что и у наших европейцев, и даже дешевле.

Я пробыл два дня в этом городе, уехав на следующий день, т.е. в субботу 20 ноября в 7 час. вечера в [г.] Дальний.

Воскресенье, 20 ноября [1910 г.], г. Дальний.

Я прибыл в Дальний в 3 час. утра. Как-то случайно встретил европейца, впоследствии оказавшегося русским. Он – владелец небольшого дома, в котором специально сдавал комнаты для приезжавших из России. Европейец предложил мне свои услуги и повел меня к себе. По дороге [он] расспрашивал меня, откуда я, есть ли у меня средства к дальнейшему существованию и т.д. Оказалось, что он близко живет... В доме его действительно было несколько русских молодых людей, которые как будто следовали в Австралию. Но как-то [однажды] я с ним не поладил и снял себе номер в японской гостинице.

Кроме... этого домовладельца, я столкнулся в тот же самый день, когда приехал [сюда], с неким евреем, уже жившим в Дальнем 2,5 года. Он дал мне хороший совет и просто умолял... уехать из Дальнего, ибо здесь я умру без средств. Но несмотря на это предупреждение, я все-таки прожил в Дальнем около полторы недели.

Уже не такое удовольствие я испытал в [здешней] гостинице, как в Мукдене. Здесь уже пришлые спят на полу за отсутствием обстановки у японцев. Да и в сущности это правда, что у японцев нет никакой обстановки (не то, что в гостиницах). [Они] спят на полу, сидят тоже на полу и также кушают, но относительно чистоты я нигде не встречал [подобной]... несмотря на то, что [им] приходится спать на полу. Здесь не такие двери, как у нас, а рукой [они] отодвигаются к стенке и так же закрываются. Никаких замков и ключей [японцы] не признают. Пол устлан толстыми, специально изготовленными белыми рогожами. Посреди комнаты ставят с углями горшок, согревающий комнату. Кроме того, вам дается маленькая, тоненькая подушка, на которой вы должны сидеть. Стены вашей комнаты – очень тоненькие, деревянные. Окна никогда тщательно не закрываются, вследствие чего холод [стоит] невыносимый, особенно зимою. Потолок большею частью бумажный: толстая бумага держится на четырех, пяти деревянных рамах, и во время плохой погоды над вашей головой свистит ветер через щели. Двери – деревянные, плитчатые – оклеены белой толстой бумагой. Когда вам желательно итти на отдых, японская прислуга моментально принесет вам одеял восемь, так что пять-шесть идут под бок, а двумя-тремя можно укрыться. Под голову дают подушку, [она] похожа на отпиленное полено, только набита твердою соломою или сеном...

Относительно [удобств] китайских гостиниц не стоит и говорить. Во-первых, там грязно, устроены нары, на которых вам приходится спать вместе с ними, и вшей можно вдоволь набраться. [Во-вторых], здесь люди совершенно не желают за собой ухаживать, не то чтобы дать гостям-пассажирам чистый ночлег.

Понедельник, 21 ноября 1910 г., г. Дальний.

В 7 час. утра я был уже одет. Спать не мог вследствие того, что, как я уже упомянул, лежать в постели было неудобно. Напившись чаю, я вышел осматривать город. *Что же касается Дальнего, то он собою красив: улицы – широкие, переполненные японскими магазинами... Электрический трамвай катится по всему городу. Дома – большие. Видно, что в этих домах до [русско-японской] войны жили богатые европейцы, а теперь [в них] – японцы.* В мое пребывание [в Дальнем] европейцев насчитывалось 37, так что русскому брату пришлось бы там погибнуть ввиду отсутствия для европейцев тех развлечений, которые они могли [раньше] встретить у себя в [этом] городе. Кроме японцев и китайцев, вы не найдете [здесь] почти никого. Конечно, город кажется очень хорошим и нам [россиянам] он может понравиться своей внешностью.

Мне как-то случайно [на улице] пришлось встретить идущих японцев с флагами и с японскими надписями. [Они] играли какой-то марш, а один [из них] шел позади трех музыкантов с барабаном и в такт ударял [в него], отчего [барабанный] бой несся по всей улице. Я встречал это шествие неоднократно [в течение] одного дня, [поэтому] заинтересовался тем, что может означать подобное шествие. Впоследствии мне удалось собрать [об этом] сведения. Когда в японском театре идет, допустим, интересная пьеса, то театр от себя нанимает музыкантов, и они целый день шляют по улицам и играют, дабы публика обратила внимание на те флаги, которые японцы несут впереди и на которых написаны [фамилии] участвующих

актеров. Бывает и так: едет на извозчике или рикше японец... [у него] по бокам прикреплены к рикше флаги с подобными надписями, а сам [он] держит барабан и бьет по нему почем зря. Это – тоже для ознакомления публики [с названием] новой пьесы. Как-то случайно мне довелось пройти по [одной] улице... и на втором этаже [одного дома] увидеть в окне артиста, играющего на каком-то инструменте. Он напевал какой-то романс [собравшейся] публике. Голос – недурной, мотив – довольно гармоничный, нежный и чистый, но что он пел понять было совершенно нельзя...

Возвращаясь обратно [в гостиницу], я имел возможность осмотреть на главной улице магазины, которые [своим светом] освещали всю широкую улицу так, что вполне можно было [на ходу] читать газету. *Что касается [самых] магазинов, то [среди них] действительно есть хорошие, но не в европейском стиле. Европейских же магазинов совершенно нет.*

Так в течение трех часов я обошел центр города и к 8-ми часам вернулся домой. Выпил кофе и, отдохнув немного, лег спать.

Вторник, 22 ноября 1910 г., г. Дальний.

[Будучи] уже немного... ознакомлен с городом, я сел в трамвай и, уплатив за билет второго класса (5 сен) ([билет] второго [класса] стоит 4 сена), объехал его. Кругом города большие сопки. Есть бульвары и все развлечения (для основной массы жителей). Летом, возможно, и весело, но опять-таки говорю, что нашему европейцу [всё] это безразлично. Город такой же портовый, как и другие [на здешнем побережье], но когда допустили на пристань, то и там [меня охватила] скука. У нас-то работа кипит, а у них, может быть, раз в неделю бывает такой [трудовой] день.

Вернулся я ...домой в 2 часа... Подали мне обед из двух блюд и кофе. Ужасно дорого питание, дороже, нежели на частной квартире.

Пробыл я в Дальнем четыре дня и всё удовольствие [от посещения его] обошлось мне в 20 иен. [Гостиничный] номер в сутки дешевле одного иена не найти. *Вообще [здешняя] жизнь – очень дорогая: булка хлеба, что у нас весит один фунт и стоит 3–4 коп., у них [она] гораздо меньше, чем фунт, и стоит 7 коп.*

В тот же день я познакомился с одним европейцем, проживавшим в японской гостинице. Он меня предупредил, что в Дальнем совершенно ничего нет и что отсюда надо уезжать...

Прожив в Дальнем чуть ли не две недели, я уехал в город Чифу [Яньтай], находящийся на расстоянии отсюда в 200 с лишним верст. Туда надо было ехать Желтым морем 8–10 часов, и во время ненастной погоды [маленькие] пароходы не идут вследствие боязни их [возможного] повреждения.

Вторник. 29 ноября 1910 г., г. Дальний – Чифу.

В 7 час. вечера я уехал из Дальнего в Чифу. Пароход был небольшой и мог выходить в море лишь тогда, когда [стояла] хорошая погода. Но в эту ночь его встретили большие морские волны. Всю ночь до того штормило, что все пассажиры оказались страшно перепуганными. Наш пароход летал, как перышко в воздухе. Водой обливало всю палубу и иногда [она] попадала к пассажирам второго класса. [От морской качки] я не мог удержать себя от рвоты. Ехавшие [со мной] китайцы, держась за живот, один за другим выскакивали из кают на палубу, где их ужасно рвало. За неимением места для отдыха я взобрался на котел возле трубы и немного

уснул... Уже под утро весь облитый водой я слез с котла, вышел на палубу в четверть пятого и очень обрадовался, когда увидел сигнальный маяк. Уже начинало светать. Ровно в 5 час. утра пароход, спустив [в воду] якорь, остановился недалеко от берега. В одно мгновение он был окружен бесчисленным множеством шлюпок, которые начали перевозить пассажиров на берег... Я, уплатив 20 сен, на шлюпке подъехал к берегу, [откуда] китаец-проводник повел меня в японскую гостиницу. Отлично помню, что мы шли очень узкими улицами города и когда подошли к воротам гостиницы, то пришлось ожидать чуть ли не час. Наконец, вышла японка, открыла ворота и повела меня в номер. В половине шестого я лег, наконец, спать [после трудной бессонной ночи на утлом пароходике].

Среда. 30 ноября 1910 г., г. Чифу.

Погода была теплая, но прошедшей ночью я не мог спокойно спать из-за холода. Утром, в 8 час. мне принесли кофе, и я отправился в город. Да! Если бы я знал, что это за скверный город, то вовсе не заезжал бы [сюда]. Улицы до того узкие, что [по каждой из них] может проехать только один рикша. Есть главная улица и та из себя представляет такой же [узкий], но немного шире проход. Город переполнен китайцами, отчасти англичанами. [Он] окружен с трех сторон сопками. Пристани для пароходов нет ввиду мелководья у берега, так что пароходы вынуждены останавливаться в бухте. Сам по себе город – маленький. Ни театра, ни синемаатографа, совершенно нет каких-либо [других] развлечений. Поэтому мне удалось обойти весь город в продолжение пары часов.

Было уже 12 час. дня, [когда] мне захотелось покушать. Случайно я нашел русскую гостиницу и при ней бар, т.е. ресторан. Конечно, пришлось войти. За столом сидело всё семейство хозяина гостиницы, занятое обедом. Увидев европейца, оно очень обрадовалось. Когда же я заговорил по-русски, им стало приятнее говорить со мной ввиду того, что и они оказались русскими – евреями из города Бердичева. Они пригласили меня [к столу] вместе пообедать. Бой подал суп и мясо... Я был отчасти [сильно] голоден и ввиду хорошего аппетита скушал всё, что было подано. Мне было приятно, когда я увидел женщину – невысокого роста, темную шапку с карими глазами и белым лицом, с орлиным носом, с чудною большою грудью и поразительно красивой фигурой... Она была женой хозяина гостиницы – г-жа Г., обладавшая воздушно-нежной улыбкой. Недавно приехав из России, из г. Бердичева, она мало-мальски говорила по-английски, по-немецки и хорошо по-русски, отчасти по-польски. Заинтересовавшись мною, она заставляла меня [неоднократно] рассказывать про Россию, но я, стараясь переменить тему разговора, задал ей вопрос относительно города Чифу. Нового от неё я не узнал из-за её недолгого пребывания в последнем. Так, сидя и болтая за столом, мы дождались вечера. Мне было с ними [интересно] и отчасти весело, т.к. [среди постояльцев] здесь находился один еврей из Турции, который изъездил весь свет, говоря [почти] на всех языках.

Потом нас посещали европейцы, и так весь день прошел [незаметно]. Кормили меня недурно: каждый день завтрак, обед из трех блюд и ужин – из двух. Спал я в комнате, где [находился] ресторан, и компаньоном моим являлся упомянутый еврей. Спать надо было всегда идти пораньше из-за

раннего зажигания печки боем, который рано начинал стучать по дверям. В первую ночь я совершенно не мог спать и лишь под утро немного заснул.

Четверг, 1 декабря 1910 г., г. Чифу.

В 7 час. утра я уже был одет. Бой подал мне чай со свежим хлебом. Стояла хорошая погода, было тепло и я мог свободно ходить без пальто...

В 10 час. утра я направился к русскому консулу⁸. Князь Мещерский, очень добродушный человек, принял меня любезно и, конечно, сначала спросил, что мне угодно. Я начал с того, что мне необходимо ехать не в Шанхай [как можно было предположить], а в Харбин ввиду того, что у меня отсутствуют средства. Он мне моментально предложил 15 долларов и пожелал всего хорошего. Я ни в коем случае не мог сказать [правду] консулу, что мне надо ехать в Шанхай, ибо обязанность консулов выручать [российских] подданных из критического положения и давать им возможность добраться до русской границы. Я обещал уехать немедленно, но не смог из-за отсутствия билета на проезд до Шанхая.

В этот день я чувствовал себя довольно хорошо. Купил себе кое-что [в дороге], уплатил за номер в гостинице, и дело оставалось лишь за билетом. Хозяин гостиницы посоветовал мне идти к директору [местного отделения] Русско-Китайского Банка некоему Блахеру. Я его послушал и на следующий день рискнул пойти [к нему].

Пятница, 2 декабря 1910 г., г. Чифу.

Я удивился и даже был тронут любезностью директора Банка г-на Блахера. Он согласился прийти [ко мне] на помощь и дать билет на право проезда в Шанхай, [при этом] велел немного подождать ввиду неимеющегося [подходящего] парохода. Пригласив в тот же самый день к себе на чай, он познакомил меня с своею женою, детьми и бонной. [Он] был очень доволен [тем], что мог беседовать со мной ввиду того, что в этом городе [почти] нет русских, и ему было приятно сидеть со мной за столом в присутствии жены, детей и бонны. В столь радостный момент я не мог даже говорить [как положено в такой ситуации], чем ужасно понравился семье [директора], и чувствовал себя как-то беспокойно. Но после ужина мадам Блахер предложила десять долларов на мои [насушные] потребности. Поблагодарив за угощение, я со всеми попрощался. На другой день надо было снова идти опять в банк, чтобы узнать относительно [нужного мне] парохода.

Суббота, 3 декабря 1910 г., г. Чифу.

Хорошая теплая погода заставила меня встать рано. Напившись чаю, я решил пройтись по свежему воздуху. Было 8,5 час. утра, [когда] я дошел до морского берега... *Китайцы уже носили с пристани в город корзины с углем и что-то при этом припевали. Именно этот припев наполняет их хорошим [добрым] духом, и вообще когда китайцы работают, то всегда что-нибудь поют...* [Достаточно] налюбовавшись китайской работой, я вернулся домой. Мои хозяева уже пили чай. Еще немного выпив чаю, я отдохнул и в половине двенадцатого направился к банку. Директор уже сидел в своем кабинете и что-то писал. Целый день я был вне себя: всё беспокоился своим [предстоящим] отъездом. Теперь мне пришлось ожидать еще несколько дней, пока не придет [мой] пароход.

Пятница, 30 декабря [1910 г.], г. Чифу.

В 6 час. вечера я собрался в дорогу, т.е. в Шанхай. Пароход стоял недалеко от берега, так что [до него] пришлось ехать в шлюпке. Пароход – громадный, [хотя и] китайский... Вместе со мной ехал какой-то еврей из той же самой гостиницы, в которой я задержался в Чифу. Благодаря его присутствию я чувствовал себя хорошо, т.к. он владел английским языком и мог достать всё нужное. У меня был билет, по которому я должен был поместиться среди китайцев. (Они пользуются обычно таким же билетом, какой был у меня.) Но тут Бог дал мне этого человека при деньгах, и он избавил меня... от холода, который заставляет закутываться [даже] в шубу. Китайцам, видимо, безразлично, где им спать – лишь бы доехать, а европейцу очень трудно находиться в такой обстановке. Когда я со своим [новым] компаньоном вошел туда [где помещались китайцы], то мы не могли устоять на месте. Мой спутник, конечно, моментально нашел отдельную кабину, за которую дал [распорядителю кают] три руб. [Примерно] в 8–9 час. мы немного перекусили и легли спать.

Пятница, 30 декабря 1910 г., г. Чифу – Шанхай.

Со мной... вместе ехал из Чифу в Шанхай некий европеец. Он познакомился со мной и всю дорогу рассказывал анекдоты. [Он выглядел] до того потешным, что я не мог удержаться от смеха. Впоследствии оказалось, что он проживает в Корее [в Сеуле], [где] содержит ресторан уже около четырех лет. Дорога была приятная и веселая. [Европеец] угощал меня и даже не позволил уплатить за [общий] обед... Прибыли в Шанхай ночью 1-го января 1911 г.

Воскресенье, 1 января 1911 г., в море.

День был [поначалу] хороший, но потом погода немного изменилась. Пароход, покачиваемый волнами, постепенно приближался к берегу. Мой компаньон, узнав, что мы приедем в 12 час. ночи и будем стоять на воде до самого утра из-за убыли воды, ужасно рассердился и после ужина лег спать. Я хотя лежал, но не спал, постоянно выглядывая в каютное окно. На пароходе пробило 9, 10 и 11 час. После 11 час. я выглянул через окно, и на мое счастье невдалеке появились огни. Когда я разбудил своего компаньона, он мне объяснил, что мы находимся близко от Шанхая и что утром нам придется ехать по реке... к пристани. Лишь тогда мы легли спать.

Понедельник, 2 января 1911 г., г. Шанхай.

Утром в 5 час. [в каюте] раздался стук: [пришедший сюда] машинист заставил нас встать. Мы наскоро помылись, выпили чаю и вышли на палубу. Пароход шел между двумя берегами реки... Было довольно холодно, но я, опершись на борт, продолжал стоять, любясь роскошной природой и [бесчисленным] множеством джонок. Постепенно мы приближались к берегу, где уже появились роскошные европейские постройки. Мы проехали мимо [нашего] Генерального консульства, затем какие-то чудные здания – этажей в семь-восемь, далее недалеко [от нас] я увидел большущее здание, на котором удалось прочесть белую вывеску с черными буквами [на английском языке] – «Палас отель». Возле его стояли высокие [столбы] с электрическим освещением. По словам моего компаньона, это [здание] принадлежало некоему французскому миллионеру, а напротив [этого здания] тянулся квартал с чудными высокими зданиями, тоже принадлежащими этому французу.

Наконец, наш пароход спустил в воду якорь, однако к берегу не подошел. Тут [представилась нам] целая сцена: китайцы, толкая один другого, лезут, кричат, предлагают свои услуги, едва подъехав на своих шлюпках к судну. Один китаец согласился взять наши вещи, [чтобы] занести [их] в шлюпку, но, к несчастью, у моего компаньона оказался огромный, обитый железом сундук, который надо было спустить на веревке вниз на дно лодки. Когда китаец, приподняв его, поставил на борт, чтобы привязать сундук толстым канатом, груз как-то нечаянно сорвался [в воду]. Мой компаньон ужасно рассердился на китайца и даже не уплатил [ему] за провоз наших вещей и нас на берег. Наконец, мы ступили на землю и таким образом вступили в громадный город. Попрошавшись со своим компаньоном, я сел на рикшу.

Рикша повез меня по широким улицам Шанхая, [где чувствуешь себя] как на базаре. Если китаец несет какую-нибудь тяжесть или имеет что-нибудь к продаже, то [обязательно] кричит, причем во всю глотку. Между тем рикша везет меня по улицам, сам [вероятно] не зная, куда мне нужно. [Поэтому], когда мне захотелось поесть, я дал ему понять, чтобы он завез меня в какой-нибудь ресторан. Он привез меня к какому-то бару, где тут же в дверях меня встретил его владелец. Он любезно принял меня, вежливо предложил что-нибудь откусать. Когда же я заговорил по-русски, его [сосредоточенное] лицо просияло радостной улыбкой. Впоследствии оказалось, что [он] – еврей, но давно выехал из России и плохо говорит по-русски, объясняясь [преимущественно] по-английски. Прошло два часа, прежде чем я успел поесть и отдохнуть. Отсюда ввиду отсутствия средств к дальнейшему существованию мне пришлось на рикше отправиться к [российскому] консулу⁹, хотя о нем давно говорили, что он пристрастно относится к своим [соотечественникам] – [российским] подданным. Так оно и вышло: абсолютно никакой [денежной] помощи он не оказал, а только предложил [мне] уехать во Владивосток. Я, конечно, поблагодарил его за сделанное предложение и ушел, [в душе] проклиная его и себя. Хорошо еще, что он предоставил мне возможность [проживать в гостинице] до условленного нами срока. Я разместился в гостинице «Чэмберс Институт». Консул уплатил за меня по 1,5 руб. в сутки. Я занял отдельную комнату, даже с двумя кроватями. Окно моей комнаты выходило на улицу, [открывая] довольно приятный внешний вид. Невдалеке виднелся флаг русского консульства, [рядом] – огромная гостиница, а возле неё – громадные здания. [Всё это] было хорошо видно ввиду того, что я помещался на пятом этаже... Относительно питания обижаться было нельзя: завтрак – из двух блюд, обед – из четырех и ужин – из четырех блюд, причем давали на пятое кофе.

В этот же день я повидал некоторые [другие] улицы Шанхая с большими зданиями – [в стиле] европейской архитектуры. *Чудные улицы [были] вымощены или выстланы деревянными плитами, а посередине ходил электрический трамвай. Улицы – довольно широкие с электрическим освещением, причем много магазинов.* Одним словом, с самого утра до позднего вечера в городе [постоянно стоит] шум, который умолкает лишь к ночи.

Я вернулся домой почти без ног ввиду того, что заблудился и никак не мог [отыскать] свою гостиницу. Поужинав, я принялся просматривать английские газеты, едва разбирая отдельные слова. Напав как-то неожиданно на расписание пароходов и не совсем поняв его, я тем не менее

благодаря ему смог [примерно] определить для себя стоимость билета до Нанкина.

Вторник, 3 января 1911 г., г. Шанхай.

Шум с берега от непрерывных криков китайцев, разгружавших пароход, заставил меня чуть свет встать с постели. Погода стояла довольно теплая, но с утра немного похолодало, особенно в моей комнате. Я быстро оделся и зашел в общую комнату-библиотеку, где никого еще не было. Здесь тоже было холодновато, но я чувствовал себя лучше, [чем в номере]. Не более чем через час китаец-бой позвал меня на завтрак. Вскоре были поданы бифштекс с яйцом и кофе. Быстро покушав, я вернулся в читальню, где уже была затоплена печка. Я немного погрелся и отправился полюбоваться достопримечательностями города. *В Шанхае – замечательная чистота.* Улицы, как я уже упоминал, выложены цементом. *[Ласкают глаз] чудные сады с искусственными фонтанами, вокруг которых находятся скамьи* [для отдыха посетителей]. *Сам город – ужасно большой, так что можно быстро заблудиться.* В первый же день я тоже заблудился и ходил часов шесть по городу, пока не нашел свою гостиницу. Мне было очень жаль, что я не попал в этот город летом. Какая кругом [от вечнозеленой растительности] роскошь, хотя это было в декабре–январе. Было тепло, но не так, как, говорят, летом.

В Шанхае есть немало грязных улиц, но они встречаются лишь там, где живут и торгуют китайцы. Европейца можно встретить [здесь] лишь случайно, и я столь же случайно оказался на китайском базаре, где кое-что купил и оттуда вернулся домой. Да! В этот же день я встретил своего знакомого, с которым ехал из Чифу в Шанхай. Он рассказал мне о своих делах. Оказалось, что он сколько имел денег, всё проиграл и теперь ни в коем разе не может приняться за покупки [вещей], необходимых для дома. Когда он со мной попрощался, мне отчасти стало жаль его.

Понедельник, 16 января 1911 г., г. Шанхай.

Незаметно пролетели две недели моего пребывания в Шанхае, и, наконец, 16 января неожиданно уехал отсюда в Нанкин по железной дороге. Впрочем, можно было ехать водой [вверх по Янцзы], но я пожелал поскорее оказаться в Нанкине, [о котором был менее слышан, чем о Шанхае].

Я быстро собрался и в 1 час. 20 мин. [по полудни] тронулся поездом из Шанхая. Билет третьего класса стоил 2 руб. 50 коп. Хотя европейцу ехать вместе с китайцами довольно неловко, но что же оставалось делать, если не было больше денег... Ехать первым или вторым классом гораздо лучше, [чем третьим] ввиду имеющегося для каждого пассажира места [в вагоне].

Погода была теплой и ясной, поэтому я постоянно поглядывал через открытое окно на мелькавшие перед мной обширные поля, расстилавшиеся по обеим бокам железнодорожного полотна, и деревни с их патриархальным хозяйством и бытом.

Настоящие китайские обряды и привычки скорее можно увидеть находясь в третьем вагоне, нежели в первом или во втором. После каждой остановки поезда на той или иной станции служащий дороги разносил по вагонам в корзинке несколько маленьких утиральников, смоченных горячей водой. Они служат для освежения лица, и каждый китаец вытирает ими свою физиономию. После подобного освежения лицо становится не

столь старым [как у пожилых людей] и обретает [моложавый] вид. Я предполагал, что и мне предложат полотенце, но этого не случилось.

Я так внимательно и с большим интересом наблюдал за китайцами и их привычками, что не заметил, как [поезд] в 8 час. вечера прибыл в Нанкин. Поначалу пришлось задержаться в китайской гостинице, но на следующий день подвернулось одно русское семейство, державшее бар, т.е. ресторан. [Господа] Рудник приняли меня с большим удовольствием: кормили меня до тех пор, пока я не уехал. В тот же день меня познакомили с письмоводителем американского консула г-ном Катлером и еще с кассиром железной дороги г-ном Камбола. Оба они уплатили хозяину гостиницы и через две недели отправили меня в Ханькоу.

Пятница, 29 января 1911 г., г. Нанкин.

В 1 час. дня я был в ожидании японского парохода, который несильно опоздал, придя в Нанкин на 40 минут позднее. Так как европейцам нельзя ехать вторым классом, то я купил билет первого класса, т.е. «Чайна фёрст класс». Тронулся пароход через 20 мин. Погода была недурная. Весь день я восхищался берегами [великой] реки... Ночь прошла благополучно, но на следующий день наш пароход сел на мель, и целый день нам пришлось стоять посредине реки. Только к вечеру, часов в 8 вечера пароход смог продолжить плавание. На судне было довольно весело, т.к. на его борту находилось несколько европейцев – англичан, из которых один молодой человек со мной подружился. Мы вместе везде ходили по пароходу, осматривая все его уголки. Относительно питания возникали серьезные проблемы ввиду того, что нам подавали не европейские блюда, а китайские, и по этой причине после такого обеда приходилось что-нибудь прикупать. На следующий день в 12 час. ночи мы приехали в Ханькоу. Я просидел на пароходе до самого утра и в 9 час. отправился в гостиницу.

Воскресенье, 30 января 1911 г., г. Ханькоу.

Познакомившись на пароходе с одним немцем, который мне впоследствии предложил три доллара – за неимением у него [свободных] денег, и дал свой адрес, где его можно застать, я попрощался с ним. Часов в 10–11 утра мне дали рикшу из гостиницы, который, не зная точно куда меня везти, долго путался среди улиц, пока ослабевши, не подвез меня к какому-то зданию, оказавшемуся впоследствии русским клубом. Не желая входить в клуб с ничтожным капиталом, я погнался рикшу дальше, сказав ему по-английски довести до русского бара, т.е. ресторана. Не зная определенно, куда меня везти, он случайно оказался на улице, где были два бара. В одном из них я увидел моего компаньона, ехавшего со мною [на пароходе]. Возле него стояла какая-то женщина. Мне стало как-то неловко, и я попросил подъехать к рядом находившемуся бару под названием «Юнион-бар». Когда я вошел в бар, какой-то мужчина высокого роста, брюнет с опухшими глазами (по всей вероятности, только что вставшего с постели), поздоровался со мной и предложил сесть. Я раньше его заговорил по-английски, но когда узнал, что он – русский еврей, почувствовал себя свободнее и, сняв полушубок, заказал себе яичницу. Минут через 15 вышла женщина, лет, по моему расчету, 26-ти, невысокого роста, худощавая на лицо и брюнетка. Еще не успев привести себя в порядок, она с растрепанными волосами подошла к столу и завела со мной разговор. Мне она

отрекомендовалась компаньонкой [хозяина] бара. Бой вскоре принес яичницу, и я, как тигр, с жадностью принялся есть, так что даже не успевал отвечать на вопросы собеседницы. Покушав и выпив стакан чаю, я угостил хозяина бара рюмкой вермута и стал расспрашивать его о Ханькоу. Он тотчас принялся рассказывать про беспорядки, начавшиеся два-три дня в городе пред моим приездом. Действительно, китайские солдаты были расставлены по всем улицам. Повод этому был дан самый неблагоприятный и угрожавший европейцам [самыми серьезными последствиями] одним англичанином, убившим рикшу. После этой [дикой] сцены собралось, по словам хозяина бара, до 10 тыс. китайцев, которые с угрозами побить европейцев вышли на набережную, а там уже стоял приготовившись к отражению нападения отряд иностранных войск¹⁰. Он дал лишь один залп, уложив [более] 10 душ, и китайцы бросились врассыпную. После этого [инцидента] войска долго стояли настороже, т.к. думали и ожидали, что произойдет восстание китайцев против европейцев... Я, можно сказать, был напуган этим известием и ввиду [личной безопасности] остановился в китайской гостинице чуть ли не за городом.

Я просидел в баре почти два часа и только собирался уходить, как вошла женщина, стоявшая с моим знакомым в другом баре. Она была низенькой брюнеткой, с хорошей прической. Переговорив с хозяином бара и посмотрев в мою сторону, женщина ушла. Это была хозяйка другого бара и как будто, по словам хозяина нашего бара, еврейка, приехавшая сюда из Варшавы. Я отчасти обрадовался этой новости и у меня возникло желание немедленно с ней познакомиться, но все мои мечты были рассеяны [появлением] какого-то [с виду] обыкновенного человека, только что сошедшего [с прибывшего в Ханькоу] парохода. Незнакомцу было лет 25, одет он был неважно... с натянутой на лоб фуражкой. Он присел к моему столу и сам начал разговор. Меня отчасти заинтересовал этот человек, ибо понял, что я, [судя по внешнему виду], недалеко ушел от него. Оказалось, что он изъездил чуть ли не всю Россию, [причем] ему приходилось идти пешком. Ему довелось побывать и в Румынии, и в Турции, и на Цейлоне (в Коломбо), и в Египте. И действительно, это – правда, т.к. даже в этом городе есть люди, которые встречали его в этих странах... Окончив с ним разговор, я попрощался и отправился осматривать достопримечательности Ханькоу.

Город Ханькоу – довольно чистенькое место, особенно там, [где находятся] европейские концессии: французская, немецкая, английская, русская и японская... На европейских концессиях есть немного красивых домов и магазинов. По всей вероятности, город недавно начал заполняться европейскими зданиями, потому что есть много пустых мест, совершенно заросших зеленью. Я прошелся... по набережной, [которая] считается главной [магистралью] города. На этой набережной много европейских домов, тут же все [иностранцы] консулы помещаются. Здесь [уже] три русских больших чайных фирмы Кузнецова, Молчанова, Литвинова. Далее – таможня, банки и другие учреждения. Набережная хорошо вымощена: когда едешь на рикше, то передвигаешься словно по мосту. Часов в 6–7 вечера она ежедневно наполняется гуляющими европейцами. Берег достаточно прочно укреплен, [т.к.] чуть не на 2,5 сажени над водой выложен отполированными плитами...

Желая отдохнуть, я зашел в бар, в котором ранее увидел своего знакомого немца... Хозяйка приняла меня довольно любезно, пригласив к столу: они вдвоем в это время ужинали. Так как он не понимал по-русски, то хозяйка переводила мне на русский язык то, что он желал сказать. Да, действительно, хозяйка бара оказалась полькой из Варшавы... Хотя, по словам администратора, оставалось полчаса до закрытия бара, немец никак не хотел расставаться со мною. Закрыв бар, хозяйка пошла с ним и со мною прогуляться по свежему воздуху. Немного погуляв, я, извиняясь, сказал, что мне надо идти домой. Мы остановились и попрощались. Немец через хозяйку передал мне два доллара, и я отправился спать.

Понедельник, 31 января 1911 г., г. Ханькоу.

По приглашению хозяйки [бара] – своей землячки я пришел [следующим] утром на чай. И вот мне пришлось из разговора с ней узнать, что она совершенно не умеет читать и писать даже на родном языке. Но зато она чудно владела [иностранными] языками, как, например, немецким, английским, итальянским, хорошо объяснялась по-польски, по-гречески и на других языках. По всей вероятности, я ей немного понравился, и она предложила столоваться у нее, сколько времени я пожелаю, а относительно ночлега я был обеспечен.

Вторник, 1 февраля 1911 г., г. Ханькоу.

Познакомившись немного с хозяйкой бара [из Польши], я предложил свои услуги [относительно того], чтобы выучить её [писать] по-русски. Она ради такого случая откуда-то достала книгу под названием «Первое ученье для детей». Я безусловно всеми силами старался немного подучить её, поэтому чуть не целый день я просиживал у нее и лишь к вечеру выходил [из дома], чтобы немного пройтись или зайти в соседний бар потанцевать, а иногда пропеть своим козлетоном какие-нибудь русские романсы...

2 марта 1911 г., г. Ханькоу.

Прошло довольно много времени с тех пор, как я начал учить [русскому языку] свою землячку... В силу этого по городу начали распускать сплетни, что я будто её жених, что я беглый, причем партийный, и музыкант, потому что немного играл на фортепиано... Она, услышав эти сплетни, заявила, прося извинения, что больше не может содержать меня столом, т.к. о ней станут говорить ещё хуже. Послушав её совета, я не остался у неё, хотя и немного научил её читать и писать по-русски...

В тот самый вечер я получил немного денег на проживание, иначе пришлось бы спать где-нибудь на берегу реки. Из полученных денег я половину израсходовал [на себя], а другую половину истратил [в виде платы] в другом баре на той же самой улице – «Кафе де Пари». Содержал этот бар француз, жена которого чудно говорила по-французски, хотя была москвичкой. Она была до того очаровательна и симпатична, что я в тот же день в неё влюбился. Говоря немного по-русски, муж и жена начали расспрашивать меня про Россию и вообще про тамошнюю жизнь. Эта женщина произвела на меня большое впечатление. Особенно запомнилась её доброта, милосердие и другие благородные качества женской души... Никогда не забуду, как с ней я просиживал по несколько часов у фортепиано или с мандолиной. Мы часто вспоминали своих родителей и наши разговоры доходили [порой] до того, что оба просто роняли едва заметные

[на щеках] слезы. Её имя – Нина, а фамилия – русская. Эта женщина была в высшей степени умна, хорошо понимала людей, но отличалась [столь удивительным] хладнокровием, что часто заставляла меня крепко задумываться... Впоследствии её муж стал замечать [некоторую] близость в наших отношениях и отказал в [гостеприимстве]: визитах и обедах...

Благодаря моему прежнему знакомству с хозяйкой бара во время приезда в Ханькоу, я смог кое-как устроиться [у неё]. Когда же она узнала, что я хожу питаться в другие места, она стала не выпускать меня из дома. Я помогал ей в делах, и так проходил день за днем. Как бы там ни было, чужой кусок хлеба не так приятен, как свой... Между тем сколько приходилось встречать людей совершенно без всяких средств к существованию.

Так я пробыл в этом баре более месяца, и когда мое сердце начало [особенно остро] чувствовать, что я [серьезно] стесняю своим присутствием хозяйку бара, я поступил [на службу] в другой бар за известное вознаграждение. К тому моменту сюда, в Ханькоу из Пекина приехали русские – три балалаечника. Они выступали в этом баре по вечерам. В непродолжительном времени один из них [мужчина] уехал... Так что из трех музыкантов остались двое: один мужчина и одна женщина, молодая хохлушка. Познакомившись со мною, они предложили с ними вместе выступать. Я безусловно был доволен [таким предложением], хотя уже начал зарабатывать себе на хлеб. Но наслаждаться удовольствием [от выступлений на публике] пришлось недолго из-за скверного характера мужчины [руководителя трио]. Впрочем, что собственно можно было ожидать от отбывшего каторгу на Сахалине, а ныне научившегося немного ударять по струнам. Ну и бросил я выступать и только иногда по просьбе гостей [посетителей бара] что-нибудь спевал. Между тем время подвигалось вперед, и хотя можно было сберечь лишнюю копейку, я работал только за кусок хлеба и квартиру...

[Однажды] по городу обо мне разошлась сплетня, будто я принадлежу к [тайным] агентам полиции. За это меня, невинного, крепко избили, и я решил уехать из Ханькоу в Шанхай...

На дорогу у меня не было ни денег, ни пищи... Хорошо ещё, что нашелся человек, который согласился уплатить за меня деньги за билет. Это был г-н Федосенко, чиновник из русской полиции в Ханькоу, с которым я успел познакомиться [во время пребывания в этом городе]. На мое счастье он, уволившись из полиции, уезжал во Владивосток.

Наступили опять дни тяжелого житья. Прожив благодаря одному знакомому дня два-три в «Гамбург Институт», я перебрался к владельцу одного бара... Он принял меня любезно: предложил мне сесть и пообедать с ним. Возле нашего стола сидела пожилая дама – брюнетка с изящной фигурой и приятной улыбкой. Она почти ежеминутно протягивала руку к моей тарелке, пытаясь как-то услужить мне. В конце концов выяснилось, что она – дочка хозяина бара, что, впрочем, можно было предположить ввиду его весьма пожилого возраста. Они вскоре предложили мне работу в ресторане, за стойкой у буфета.

Поначалу мои обязанности заключались в раздаче в вечернее время визитных карточек английским солдатам с приглашением посетить только что открытый бар. Первый день у стойки прошел для меня довольно

благополучно, но так продолжалось недолго. Через несколько дней я стал чувствовать боль в ногах, т.к. с 7 час. вечера до половины 11-го приходилось ходить по улице и ловить, как собак, английских солдат. Так прошло семь дней, и как-то случайно на улице я встретил свою старую знакомую по Ханькоу. Она содержала бар «Юнион». Миссис Вайнберг была очень рада встрече со мной, т.к. я некоторое время жил у неё. В данный момент она неожиданно предложила вместе уехать в Чифу. Я был доволен её предложением и через пару дней мы отправились туда.

3 июня 1911 г., г. Чифу.

День пролетел незаметно. Мы проехали уже половину пути, и все были в ожидании [предстоящего приезда в] Чифу. Второй день [морского плавания] прошел как-то быстрее, и на следующий день в 12 час. ночи, т.е. 3 июня, прибыли в Чифу. Однако с парохода никого не выпускали, и только поутру [пассажиры] стали собираться [к переезду на берег]. Бесчисленное множество сампанов [парусных джонок] окружило пароход, и китайцы по своим длинным шестам стали взбираться на пароход. Поднялся сильный гвалт, и я стал постепенно выносить на палубу наши вещи. Шум немного стих, когда китайцы, взяв наши вещи на джонку, повезли их к берегу. Тут нас встретил переводчик из гостиницы и распорядился нашим багажом. Мы же, сев на рикшу, поехали узкими улицами города. Рикша подвез нас к дому г-на Осетинского, содержавшего гостиницу и фабрику [по производству] соды. О нем я слышал ещё во время первого посещения Чифу и теперь довелось познакомиться с этим человеком лично. Когда кули принесли наши вещи, нам были выделены две удобные комнаты. В одной разместилась г-жа Вайнберг со своей племянницей Женей, а в другой – я с нашим попутчиком-португальцем. Так как я не особенно симпатизировал смуглому [и развязному] португальцу, я на ночь уходил в столовую, где стояла кушетка, на которой можно было спать [вполне] свободно.

Освежив лицо холодной водой, я переоделся и стал торопить своих спутников к завтраку, ибо чувствовал ужасный голод. Сейчас же нам был подан завтрак, во время которого я своим аппетитом немало удивил миссис Вайнберг. Когда в столовую вошел г-н Осетинский, он стал расспрашивать нас про Шанхай и вообще о делах, причем в заключение беседы упомянул, что меня как будто выслал [оттуда] наш консул, хотя это была очевидная ложь.

Благодаря г-же Вайнберг, которая меня всегда защищала, я был вполне уверен, что меня никто не тронет. Тогда же произошло маленькое совпадение: я встретился с тем человеком, который ехал со мной из Чифу в Шанхай, о чем я упоминал выше. На следующий день он уехал обратно в Корею.

9 июня 1911 г., г. Тяньцзинь.

Г-жа Вайнберг хотела открыть собственное дело в Чифу, но ввиду того, что здесь оказалось много конкурентов, она решила оставить [этот город]. Таким образом, миссис Вайнберг побывала в Чифу дней пять и уехала... обратно в Шанхай. Я же по её совету отправился в Тяньцзинь, совершенно незнакомый мне город, [расположенный] недалеко от Чифу.

Выехав [на пароходе] из Чифу 7 июня, я прибыл в Тяньцзинь 9-го утром. Во время плавания я совсем случайно познакомился с одним [доброжелательным] китайцем. Он ехал, как и я, третьим классом, причем спали

[рядом]. По прибытии в Тяньцзинь китаец завез меня в китайскую гостиницу, что было как раз по моему [тощему] карману. Платил я в сутки по 50 коп. ... и жил в одной комнате с моим знакомым китайцем. Пробыв в этой гостинице два дня, я на третий день столь же случайно познакомился с одним русским молодым человеком, который очень обрадовался мне и сам предложил свои услуги: избавил меня от уплаты за ночлег и предоставил возможность остановиться у него. Он служил в таможне, имел казенную квартиру, в которой поместил и меня. Молодой человек оказался воспитанником коммерческого училища в Одессе. Приехав в Китай и практически не зная ничего, он сперва занял должность в какой-то немецкой фирме, а затем благодаря хорошей рекомендации [российского] консульства поступил на службу в местную таможню. Знакомство с ним состоялось в баре на русской концессии. [Там же] разговорился я с другим молодым человеком, с которым позднее мне удалось познакомиться поближе. Он оказался певцом, причем с хорошей английской [дикцией], а я артистов весьма уважаю... Его как новичка бара тотчас попросили спеть. Да, действительно, он прекрасно поет, [хотя и несколько] женским голосом... В итоге мы очень весело провели весь вечер.

В этом же баре мне повстречались две молодые барышни: одной – лет 16–17 (она – дочь хозяйки), а другой – лет 20 (она – её помощница). Вторая девушка немного говорила по-русски, а первая – абсолютно ничего не понимала, хотя ее мать говорила на моем родном языке, т.е. на польском. Боже мой, как понравились и полюбились мне эти дамы. Хозяйка бара – прекрасная женщина, вдова лет 45-ти, очень милая женщина (фамилия Гельбрас), а при ней молодые барышни. Короче говоря, это не бар, а, можно сказать, «любовное» место, где молодые люди по вечерам объясняются друг другу в любви.

Я со своим товарищем [по квартире] ходил [в Тяньцзине] везде. Где был он, там и я. Только он сожалел, что я не мог поддержать его в питье...

Мой товарищ – Раймис ежедневно вставал в 6 час. и уходил в контору, чтобы заявить о себе. Затем он в 7,5 утра приходил обратно... и после завтрака в 9 час. уходил на службу до 12 час. Затем с 12 до 2-х час. дня [был] обед и снова работа до 5 час. С 5-ти же часов он был свободен... Мой друг Раймис от души желал, чтобы меня взяли [на службу] в таможню, поэтому чуть ли не ежедневно я получал все новые сведения по этому поводу. Тем временем я как блуждающий огонек во мгле целыми днями ходил по городу, но из этой ходьбы ничего не получалось. [В поисках работы] мне пришлось обойти пешком чуть ли не весь Тяньцзинь, о котором забыл что-либо сказать. Между тем *город этот сам по себе довольно красивый. Есть французская, немецкая, английская, русская концессия, причём концессии – громадные, особенно французская. Улицы города – довольно широкие с хорошими европейскими постройками и большими магазинами на главной магистрали. Электрический трамвай летит по городу как стрела... Есть большой чудесный сад, [точнее парк], ежедневно переполненный европейцами. Даже можно послушать английский оркестр, который недурно исполняет «тяжелые» [для него] вещи.* Одним словом, здесь довольно весело, поэтому нельзя сказать, чтобы в городе чувствовалась скука. Её почти нет, т.к. есть разные заведения для получения

удовольствия: клубы, синематограф и т.п. Между тем я днем и ночью мечтал только об одном, чтобы где-нибудь пристроиться и работать.

Уже две недели, как я нахожусь в Тяньцзине, и до сих пор у меня нет никаких шансов занять какую-нибудь должность. Мой товарищ [таким исходом] ужасно опечален и сам, бедняжка, тоже желает от души, чтобы я где-нибудь был принят на работу.

Тем временем у меня завелось немало знакомств. Мне посоветовали обратиться в русскую [торговую] фирму Батуева. Ну и что же? Вместо должности [Батуев] предложил деньги, от которых пришлось учтиво отказаться. По его совету явиться к русскому консулу (может быть, он что-нибудь посоветует) я и посетил наше консульство на следующий день, причем даже не ожидал, что консул так любезно отнесется ко мне – российскому подданному¹¹... Я без всякого стеснения рассказал ему, в чем суть моего дела. Он собственно не очень заинтересовался моим рассказом, и мы окончили наш разговор тем, что здесь для меня службы не найти. Консул – человек довольно молодой, вежливый и гостеприимный, но мое посещение консульства ни к чему не привело... Хотя он мне тоже предлагал деньги, я не согласился принять его предложение.

В Тяньцзине мне довелось познакомиться и с полицмейстером русской полиции [на территории русской концессии]. Он сам поляк... разговаривая с кем-либо, он в душе считал его самым плохим человеком... Жебрак вполне мог что-то сделать для меня [как своему соотечественнику], но почему-то он даже не подумал, чтобы помочь своему человеку [земляку]...

Через два-три дня я опять пошел к [российскому] консулу. [Относительно моего дела] он [решительно] ответил мне, что ни в коем случае не может исполнить мое желание, а если я захочу куда-нибудь уехать, то он меня с удовольствием отправит. На такое предложение я не сразу дал согласие и немного подождал с окончательным решением своего вопроса¹².

После приезда Леонарда Бертольда из Японии во Владивосток в местной газете «Далекая окраина» 15 февраля 1912 г. появилась статья «Поездки» за анонимной подписью «Восточный путник». В ней столь же детально описывается сюжет, затронутый поляком-путешественником в его личном дневнике. Это невольно заставляет думать, что данная публикация подготовлена газетой при его участии либо самостоятельно на основе изъятых у него в Нагасаки японской полицией его дневника вместе с записями, касающимися Японии, переданными затем в российское консульство. Вот текст этой статьи (с небольшими сокращениями): «Под боком у нас Япония, страна, словно созданная для туристов. Условия поездки туда сравнительно благоприятны даже для не очень [туго] набитого кошелька... есть возможность попасть в Японию... через Маньчжурию и Корею... Здесь приходится садиться [на поезд] во Владивостоке. В Харбине – первая остановка, т.к. приходится ждать [другого] поезда. Затем пересадка в Чанчуне (северная станция ЮМЖД).

Относительно Чанчуна должен сделать следующее предупреждение. Когда вы приезжаете на станцию Куанчэнцзы с севера, вас всегда встречает толстый и с виду нечистоплотный еврей [г-н Шварц], который, заметив в вас неопытного туриста, подходит к вам и отрекомендовывается г-ном держателем «Варшавской столовой» [или гостиницы] в Чанчуне. [Он] рисует картины, совершенно не соответствующие действительности, и в конце концов

неопытный турист, располагающий ограниченными средствами, поддается его убеждениям и, выйдя из вагона в Чанчуне, направляется в его столовую...

Из Чанчуна поезда отходят по утрам и вечерам. Советую ехать днем, т.к. прежде всего необходимо помнить, что японские железные дороги не наши, и там не протянешь ног для того, чтобы растянуться, а приходится довольствоваться одним, самое большее двумя сидениями...

Кто же пожелает посетить Порт-Артур... тот может, выехавши с утренним поездом из Мукдена, вечером того же дня быть в Дальнем. В П.-Артуре есть европейски обставленная гостиница «Ямато-отель», несколько [других] японских [гостиниц], [причем] в некоторых из них можно «достать» европейский стол. Спать, правда, приходится на полу, покрытом чистыми циновками. Вместо матраца дают чистое ватное одеяло, такое же одеяло служит покрывалом. Вместо нашей подушки, в которой вся голова тонет, спокойно отдыхая, там вам дадут японскую подушечку-станок, пролежав ночь на которой вы с непривычки рискуете получить адскую головную боль».

В заключение следует подчеркнуть, что рукописные материалы Л. Бертольда, осевшие в архиве российского консульства в Нагасаки (а затем в АВПРИ), содержат, помимо его личной интимной переписки и других документов, полезные сведения не только о Китае, но и Японии (в частности, о синтоизме и других вопросах).

Примечания

¹ Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Наследник российского престола в Китае весной 1891 г. (Неизвестные страницы истории российской дипломатии на Дальнем Востоке) // Исторический вестник (Москва–Воронеж), 2000, № 2 (6), с. 219–239.

² См. [1, л. 3].

³ С этой книгой нам удалось познакомиться в 1982 г. при посещении Библиотеки Академии Наук Литовской ССР в г. Вильнюсе.

⁴ На газетной вырезке из этой газеты с цитируемым нами текстом, осевшей в личном архиве Ф.Р. Остен-Сакена, известного дипломата, путешественника и общественного деятеля, сохранилась его личная помета на французском языке *plus tard* («очень поздно»), указывающая на позднюю публикацию известия о путешествии К. Ренгартена. См. [6, оп. 1, ед. хр. 475, л. 7].

⁵ Ли Хунчжан (1823–1901) – известный китайский государственный деятель и дипломат, вошедший в историю цинского Китая как один из активных поборников политики самоусиления (*цзы-цян*), начатой по инициативе великого князя Гуна (по имени И Синь); Ли Хунчжан – убежденный сторонник модернизации страны, прежде всего в военном деле, в области промышленности, транспорта и средств связи. Подробнее о его поездке в Россию в 1896 г. на торжества по случаю коронации Николая II см.: *Хохлов А.Н.* Ли Хунчжан в Москве в мае 1896 г. // Снесаревские чтения 96. Душанбе, 1997, с. 60–73.

⁶ Следует отметить, что путешествия, совершаемые пешком, предпринимались и из Китая в Россию. Так, газета «Новое время» 25 апреля/8 мая 1912 г. сообщала: «24 апреля в Петербург прибыл из Харбина пешком член Харбинского спортивного кружка Н.И. Каретников. Молодой человек (ему 18 лет) вышел из Харбина 8 сентября 1911 г., расстояние в 10 тыс. верст он прошел, следовательно, в 7,5 месяцев». Дополнительную информацию об этом путешественнике находим в сообщении в выходившей в Харбине газете «Восток» в № 23 от 14/27 сентября 1912 г.:

„Голос Москвы“ сообщает, что 30 марта в Москву пришел г-н Н. Каретников, первый (?) русский путешественник вокруг света пешком... Вышел из Харбина 8 сентября 1911 г. и должен возвратиться во Владивосток 8 сентября 1915 г. Цель путешествия – поставить рекорд пешеходной скорости... По сообщению „Русского слова“, Каретникову пришлось пережить в Сибири немало невзгод: обморозил ноги, сталкивался с [ледяными] волнами и даже был арестован в Златоусте по подозрению в революционной деятельности».

⁷ См. [5, л. 6].

⁸ Судя по всему, речь идет о российском дипломате князе Д.В. Мещерском. Он родился 5 августа 1875 г., поступил на службу в МИД России в 1900 г., в должности чиновника VI класса состоял с 12 октября 1910 г. Как видно из протокола состоявшегося 30 апреля 1910 г. заседания Конференции (выполнявшей функции Ученого Совета) Восточного института во Владивостоке, Д.В. Мещерский в этом году являлся российским консулом в г. Чифу (Яньтай).

⁹ Речь идет о генеральном консуле в Шанхае Викторе Федоровиче Гроссе (1869–1934). Он родился 26 мая 1869 г., родом из прибалтийских дворян. После окончания факультета восточных языков Петербургского университета его приняли на службу в МИД России (с 25 ноября 1892 г.). С сентября 1893 г. по июнь 1896 г. он состоял при дипломатической миссии в Пекине в качестве студента. Последующие его годы были посвящены консульской деятельности. С июня 1896 г. он выполнял обязанности секретаря консульства в Тяньцзине, с мая 1899 г. – вице-консула в Чифу, с апреля 1902 г. – консула в Нючжуане, с декабря 1905 г. – генконсула в Иокогама, куда прибыл 1 июня 1906 г. В ноябре 1910 г. его назначили генеральным консулом в Шанхае, куда он прибыл 18 февраля 1911 г. См. [3, д. 1033].

Когда китайское правительство в 1920 г. отказалось признавать за российским посланником Н. Кудашевым в Пекине и соответственно российскими консулами право представительства России в Китае и учредило в разных частях страны должности комиссаров по русским делам, в Шанхае по настоянию консульского корпуса таким комиссаром стал В.Ф. Гроссе. В 1932–1934 гг. он выполнял обязанности председателя Комитета по делам российских эмигрантов в Шанхае.

В январе 1930 г. В.Ф. Гроссе проводил в последний путь свою супругу Эллу Павловну Гроссе, скончавшуюся 10 января и похороненную 12 января в Шанхае на кладбище Бабблинг Уэлл, где находилась братская могила русских воинов, погибших в период русско-японской войны 1904–1905 гг. В.Ф. Гроссе скончался в 1934 г., оставив по себе память как активный участник создания в Китае школ с преподаванием русского языка (будучи вначале преподавателем в русско-китайской школе в Тяньцзине в 1896 г.). В этом благородном деле ему активно помогала жена, занимавшаяся сбором средств на русские школы в Китае до и особенно после Октября 1917 г.

¹⁰ Факт столкновения английской полиции в Ханькоу с местным населением, упоминаемый польским путешественником в своем дневнике, далеко не единственный в истории этого города. Об этом свидетельствует, например, донесение русского консула А.Н. Островерхова от 7 февраля (по ст. стилю) 1907 г., отправленное в Пекин российскому посланнику. В этом донесении сообщалось следующее: «На второй день китайского Нового года 1-го сего февраля на здешней английской концессии произошли беспорядки... В 12 час. дня в находившийся на названной концессии китайский театр пришло несколько... солдат из Учана, потребовавших бесплатного доступа на представление, в чем им было отказано. Солдаты... были выгнаны служащими. Тогда обиженные несправедливым, по их мнению, обращением

они позвали себе на подмогу товарищей, находившихся по соседству в китайском городе [и] ворвались в театр. Благодаря праздничному времени китайские полицейские находились в отпуску, и на постах стояло лишь незначительное количество сикхов. Вследствие сего буйствовавшие солдаты некоторое время были предоставлены самим себе и успели произвести значительные разрушения в театре...

Когда собралось достаточно полиции, беспорядок был прекращен и трое буйных солдат арестованы и отведены в английскую полицию. Тогда [китайские] солдаты, подкрепленные уличною толпою в несколько сот человек, кинулись к полицейскому зданию, где помещались арестованные, которое и начали громить, требуя освобождения задержанных товарищей. Видя, что беспорядок принимает серьезный оборот, английский генконсул попросил командира речной канонерки... высадить десант, при помощи коего, а равно вооружившихся сикхов и некоторых иностранцев удалось отстоять здание полиции и отогнать толпу в китайский город... В виду сего генконсул обратился по телеграфу в Учан с просьбою принять меры к недопущению тамошних [китайских] солдат в Ханькоу... Прибывшие [сюда] из Учана [китайские] военные власти взяли на свое попечение арестованных солдат и не допустили вторичного появления их в Ханькоу» (См. [4, л. 3–4]).

¹¹ Судя по всему, речь идет о российском дипломате Христофоре Петровиче Кристи. Он родился 11 ноября 1872 г. в г. Измаиле в семье полицейского пристава. После окончания Факультета восточных языков С.-Петербургского университета в 1897 г. его приняли на службу в МИД и весной 1898 г. направили в Пекин в качестве студента дипломатической миссии. В 1900–1901 гг. он сначала служил секретарем, драгоманом и управляющим консульства в г. Нючжуан, а затем секретарем генконсульства в Шанхае. В 1902 г. его назначили консулом в Нючжуан, а затем в 1904 г. – вице-консулом в г. Чифу. В конце 1909 г. он вступил в должность консула в Тяньцзине, которую сдал в мае 1914 г. (См. [8, оп. 1, ед. хр. 630, л. 74; 2, д. 158, л. 98]). После Октября 1917 г. Х.П. Кристи находился в Норвегии, где вокруг него формировались группы беженцев из России, о чем писала выходившая в Белграде газета «Новое время» в номере 2693 от 17 апреля 1920 г.

¹² См.: 5, л. 6–43 (авт.).

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Главный архив Ш-6, 1845, д. 507.
2. АВПРИ, ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел (ДЛС и ХД), оп. 463.
3. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 464.
4. АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1907–1912, д. 385.
5. АВПРИ, ф. Консульство в Нагасаки, оп. 559, 1905–1911, д. 767.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1385.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 118.
8. «Новое время» (СПб.).
9. «Новое время» (Белград).
10. «Новый край» (Порт-Артур).
11. «Восток» (Харбин).